Верная жена

Вот один купеческий сын; подошло ему время жениться, и не мог нигде невесты подыскать, ни в городе и нигде ему не по душе. Искал, искал — нигде ему по сердцу нету. И скоро он загонщиков рассылал по иным городам, карточки ему посылали. Семьдесят семь карточек сняли с невест из иных городов. И никотора картинка ему от души не подходит.

В одно время разложил он все эти карточки. Надо же решиться: «Докуль буду я один жить?» Из семидесяти семи на трех карточках решился: «Ну, поеду: ту ли, другу ли, третью возьму».

Потом, в одно время, пришла к ним одна нищая на кухню, просить кусок хлеба, и прошла мимо их дома. А нищая эта была двадцати пяти годов девушка. Он в окошко кинул взор на нее. Вот припала к душе нищая. Велел прислугам воротить. Прислуги ее огаркивают: воротись, мол, скоре! Та спужалась: «Что такое — я ничо ведь у вас не украла! Вы мне подали, я и пошла».

Воротилась эта нищая с горькими слезами, напужалась: для чего ворачивают? «Ничего не брала, не украла и преступления никакого с ними не делывала».

Распорядился этот Иван купеческий сын: прямо в палату к нему пущай идет. Принуждена эта нищая девушка класть свой мешок и идти к нему на лицо.

Потом распорядился Иван купеческий сын прислугам подать им вина и закуски, садит ее за стол, наливат ей — как видит: она с испуганным лицом — стакан вина хорошего. Ну, выпила она же эту рюмочку, и у ней красочка переменилась, еще она получше стала, поаккуратнее. И стал он сватать за себя ее. Она ему говорит: «Что же вы это смеетесь надо мной? Вы уж получше себя кого ищите, да и подсмейтесь! А то надо мной-то чо смеяться, меня и так бог осмеял». А он всей душой к ней припал: «Никак нет, не смеюсь», — снимат со своего пальца именное кольцо, надеват ей на руку и приказал кучеру запрекчи лошадь, выспросил: «Где ты живешь?» А она за самым за их городом в землянке живет. И мать слепа живет. Она с мешком ходит — мать прокармливат. И кучеру наказал тайным образом: «Привези ее, слушай, незаметным образом, что она будет говорить, и правду ли у ней мать слепая».

Ну, повез ее кучер, привозит к этой землянке, а сам спрятался и слушат. Как та зашла в землянку, так прямо и говорит: «Мама, ко мне жаних свататся!» Мать говорит: «Какой же это жаних к тебе свататся?» Она и говорит: «Такого-то купца сын!» Мать и говорит: «Что ты, девка? Ведь он это фигурит над тобой!» — «Да како же, мама, смех? Ведь он из своих рук подал мне именной перстень — и вот сто рублей денег!» И потом мать ей не верит: «Ты где-нибудь ходила, польстилась, украла! Унеси обратно, положь!» — «Что ты, мама, вот кучер уверит!»

А кучер все это слушал, повернул лошадь и рассказал барину.

Барину эта речь старухина очень понравилась. Потом приезжат к ним сам Иван купеческий сын, в их землянку. И решили они, свадьба которого числа. Обул, одел ее, и решили, когда венчаться. Ну, как это число дошло, приехал венчаться — велит он старуху в палаты свои вести, а землянку зажегчи. Ну, и так по его и сделали. Как они повенчались, пошел у них пир-пированье. Как подвыпили все фрейлины, кавалеры танцуют, а его на смех подымают: «Чо жо ты со своей молодой не танцуешь?» А он боится ее спросить, может, она обидится — где же ей, с мешком ходила, поди, не умет! И посылат горнишну спросить, умет ли она танцевать. Та отвечат: «Пошто не могу? Могу».

Ну, и пошли танцевать, она даже всем фрейлинам подгадила — те супротив ее не могут.

И стали после свадьбы жить они по-хорошему, по-благородному. И они живут — души один [в другом не чаят], и он нарадоваться ей не может: «Это мне господь послал такую жану!»

Подошел май месяц, зацвели цветы в садах, пошли они с ней в сад разгуливаться; вот он в саду гулял, гулял да вздохнул тяжело. Она к нему пристала: «Чо жо это ты вздохнул в неудовольствии, чем ты недоволен?» Ну, он: «Да так себе»... А потом говорит: «Вот что, душечка, как был я холостой, в это время всегда налаживал корабли и плыву. А сейчас мне и скушно стало». — «Ну что, душечка, плыви, я тебя не держу. Ступай с богом, я не воспрещаю вам плыть». — «А мне, — говорит, — сумление вас оставить». — «Дак что же, вы мне не верите? Так помолимтесь богу, затеплим свечи и заклянемся, что ни ты другу не поимешь, ни я другого не возьму — вот и вверимся друг другу, и ты с надеждой поплывешь, и я останусь».

Ну, и пришли они в дом, затеплили свечи, помолились богу и заклянули друг друга на одной точке стоять.

И стала она мужа в путь-дорогу собирать, и проводила честно-благородно, и стала домашность править, жить без мужа.

Приехал он в чужие земли, в чужие города, ну, и там, как приплыл — собака собаку по лапе знат, — приходит в трактир, где все богачи собираются. Сели закусывать, выпивать, картежить. Потом из них один молодой офицер сказал: «Мы-то выпивам, закусывам — чо-то наши жены дома делают?» А этот же самый сказал, который клялся: «Да чо же делать? Честь честью живут! Живут в предовольствии. Чо им делать?» Этот же офицер сказал: «Э, они честь честью проживут! Найдут кавалеров, парней, вот и все».

Этот купеческий сын с ним за спор схватился, что моя жена хорошо проживет. А офицер с ним за спор, голову закладыват, что он к его жене приедет и чо хошь сделат. Потом до того дело у них дошло, что больше тыщи заложил против его головы, и офицер отправлятся. Офицер этот и говорит ему: «Ты отправь телеграмму жене, что гость к ней приедет».

Он принужден был телеграмму ей отбить, что гость приедет. Жена получила, ужахнулась: «Что это за скороспешная телеграмма? Какой такой гость?» И как у ней в голове было, она сразу стрекинулась: «Должно какой спор был у них!»

Ну, являтся к ней этот гость. Приняла она его честно-благородно и за закуску. Что же — гость так гость. Вот, как он выпил, закусил, и стал он к ней лабзиться, дерзкие слова говорить, а они в комнате были двое. Она: «Боже избавь, чтоб я это дело сделала!» Отовлекатся от него. Он вынимат из карману леворверт — вот, дескать, все равно с душой расстанешься. Она ужахнулась — говорит: «Сейчас же мы оба одеты, неудобно. Вот ночь придет, мы и расположимся в ночное время». Он и решился ночи ждать. «Только будем это дело без огня делать. Я и замуж выходила, решилась с мужем, чтоб эти глупости при огне не делать». А он и думат: «Ладно, я кольцо (он приметил у ней его) с тебя ночью сыму, мужу указ привезу».

Как они поужинали, приказыват она горнишной постель в спальне приготовить. Ну, и как она хозяйка, отлучилась и горнишну заговорила: «Ночуй с этим гостем, и я тебе тыщу рублей дам. А я тебя надушу, одену», — говорит и перстень свой с руки ей дала. Она и согласилась.

На спокой легли эти горнишна и офицер. Ну, потом уж как вставать надо, он ладит кольцо с пальца стащить. А оно туго было — не идет. Он недолго думал, взял да и отрубил кольцо с пальцем. Горнишна встала — ну, и хозяйке с обидой: «Что он надо мной доспел — палец отрезал!» Хозяйка ее уговариват: «Ну, ничего, я тебя не обижу, как ты за меня пострадала, будешь ты навек наша участница».

Потом хозяйка горнишну эту спрятала, а сама руку на темляк повесила и замотала бинтом, будто У ней отрезано. Потом, как встал этот офицер, сели они завтракать, закусывать. Она и говорит: «Вот какую вы подлость сделали: у сонной у меня палец отрезали!» Он стал ей казною, что вот я столько-то тебе дам. Она с него копейки не взяла.

Отправился ее гость — отправипся к ее мужу. Радый такой.

Она после этого гостя сейчас в полицию, в церкву и приказала легку шлюпку сейчас в погоню за ним — вместе с горнишной к мужу узнавать, как он там. Смекат, что не зря этот гость приезжал. И оделась в мужску одежу, волосы остригла, приезжат и идет в ту же гостиницу.

Тут сидят, картежат — и увидела гостя этого, который ночевал у нее. И спрашиват: «Чо у вас тут хорошенького, какой торг, чо почем?» И они ее спрашивают. Так идет у них беседа. И отвечат ей офицер: «У нас седни будет новенькое: одного вешать будем, за жену [поручался] шибко». Та спрашиват: «Почему так?» Он объяснятся и говорит: «Вот никогда нельзя за жену поручаться».

Долго она тут беседовать не стала, пошла по полициям по разным, со всеми бумагами. К надзирателю пошла: «Не могу ли я его увидать?» Надзиратель говорит: «Как арестантов в баню поведут, перед вешальницей мыть, — тут ты его и можешь видеть, а больше нельзя, никак не можем допустить».

Как повели в баню, идет она к этой бане — караульны ее не пропускают туда. Ну, она сунула там им, пропустили ее на четверть часа. Потом она им обсказыват: «Товарищ мой был самый задушевный — хочу проститься с ним». Заходит она в баню: «Ах, голубчик, до чего достукался!» — говорит. Он с испугу прямо матерным словом: «Убирайся, мне не до того!» Ну, она ему призналась, что: «Я твоя жена, не бойся ничего, я тебя спасу». Видит, пальцы-то у нее все целы. «Ты не к вешальнице пойдешь, а как к куме на именины!»

Приходит она к вешальнице — они привели все начальство — и доказала: вот кто, мол, с ней ночь ночевал. «Ты не со мной был — востер, да не подточенный, вот у кого пальца нет!»

Ну и мужа-то оправдали, а офицера-то повесили. А сколько было капитала у этого офицера в залоге, на горнишну перевели...

А они вернулись и стали жить-поживать, добра наживать.

(Зап. от Н. О. Винокуровой, 1862 г.р., с. Челпаново Верхоленского округа Иркутской губ.)

Верхнеленские сказки. Сборник М. К. Азадовского. Иркутск, 1938.